

Сборник Императорского Русского Исторического Общества

Том 19

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С23

С23 Сборник Императорского Русского Исторического Общества: Том 19 / – М.: Книга по Требованию, 2016. – 580 с.

ISBN 978-5-519-49401-4

ISBN 978-5-519-49401-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Послѣ подписанія въ 1766 году между Россією и Англією торговаго трактата ¹⁾), предметомъ стараній англійскаго посла лорда Каскарта было заключеніе союзнаго договора. Одною изъ любимыхъ мыслей Н. И. Панина было образованіе сѣвернаго союза какъ противувѣсіе союзу бурбонскихъ домовъ; привлеченіе Англіи къ такому союзу конечно отвѣчало видамъ Панина, но онъ хотѣлъ чтобы непремѣннымъ условіемъ англійскаго союза была поставлена помощь Россіи въ случаѣ войны съ Турцією, а между тѣмъ война эта началось въ 1768 г. и разумѣется измѣнила положеніе переговоровъ. Требовать помощи для веденія войны представлялось невозможнымъ и потому взаимнѣ этого требованія предположено получить отъ Англіи согласіе на ежегодную уплату Швеціи субсидіи въ 50000 ливровъ для ослабленія французскаго тамъ вліянія. Развивая свои по этому предмету взгляды, Н. И. Панинъ въ депешѣ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, нашему послу въ Лондонѣ, въ январѣ 1769 г. между прочимъ писалъ: «Ея Величество, вошедъ со мною въ разсужденіе, изволила мнѣ сдѣлать свои слѣдующія заключенія, что желанія Ея соединиться тѣснымъ союзомъ съ Ею Великобританскимъ Величествомъ основаны на взаимной непоколебимой пользѣ и на ея персональной склонности, что при

¹⁾ См. томъ XII Сборника.

составленной ею ея настоящей политической системѣ, она свою имперію довольно огражденную поставляетъ отъ всѣхъ христіанскихъ ея сосѣдей, которые другъ противъ друга съ нею въ тѣснѣйшихъ обязательствахъ находятся; что всякая отъ третьяго въ томъ гарантія была бы одною пустою мечтою, что напротивъ того тѣ обязательства гарантіи, которыя Ея Величество дозволять изволить для англійскаго двора, суть, какъ по существительному его положенію, такъ и по политической связи неоспоримо такого рода, что требуютъ отъ ея имперіи содержанія во всегдашней готовности не токмо опредѣляемой трактатомъ помощной силы, но и запасной еще въ готовность на всякія дальнѣйшія происшествія для подкрѣпленія дѣлъ Великобританіи, что въ томъ и прямое существо непосредственнаго и независимаго не отъ какихъ другихъ союзовъ состоянія ея соединенія съ Великобританскимъ Величествомъ; что она, уважая мудрый и рачительный монархини долгъ противъ своей имперіи, для того и предполагала прежде равновѣсное взаимство обязательствъ съ англійской стороны въ включеніи въ союзъ войны ея имперіи съ турками; что Ея Императорское Величество однакожь, сугубо побуждаема и общею пользою и своею склонностью противу коварной французской въ сѣверѣ инфлюенціи, не щадила конечно ни трудовъ ни изживенія къ истребленію оной, а достигнувъ до того, остается ей одно попеченіе, чтобы сію часть Европы обезпечить и впредь на нѣкоторое время отъ зависимости той державы, и потому предпочла уже Ея Величество сей конечно по послѣдней мѣрѣ равно Англію саму интересующій предметъ, своей единственной для имперіи непосредственной пользѣ взаимнымъ съ Англіею обязательствамъ, чѣмъ она еще, слѣдуя склонности къ тѣсному съ нею соединенію, искать изволила изъять изъ среды тѣ непреодолимые претыканія, которыя англійскій дворъ предъявлялъ себѣ встрѣчающимися отъ національной левантской торговли, въ принятіи союзнаго случая турецкой войны: что теперь, когда Ея Величество уже дѣйствительно въ сей войнѣ находится, еще меньше можетъ и намѣрена требовать какое либо явное дѣйствительное ей вспоможеніе въ за-

мѣну ея будущихъ союзныхъ обстоятельствъ; что и самый порядокъ вещей всѣ между государствами договоры устанавливаетъ на отвращеніе и вспоможеніе быть могущаго, а не на настояніе уже съ одной стороны случившагося, ибо тутъ никакого взаимнаго равенства болѣе сыскать не возможно; что потому теперь и остается еще болѣе *одинъ только предметъ шведскихъ дѣлъ*, который можетъ связать узломъ опредѣленнаго союза наши два государства въ ихъ столь натуральныхъ и единогласныхъ интересахъ, происходящихъ изъ существа и положенія ихъ земель. Всемиловѣйшая Государыня, разсуждая такимъ образомъ, мнѣ въ заключеніе сказать изволила, что если и въ настоящихъ столь для нея съ двухъ сторонъ заботливыхъ обстоятельствахъ, великобританскій дворъ не рѣшится на сей послѣдній предметъ, могущій въ разсужденіи ея имперіи согласить ея склонность къ союзу съ Ею Великобританскимъ Величествомъ съ пользою и интересомъ ея имперіи, то она противъ воли и желанія своего принуждена будетъ своимъ дѣла съ Англіею оставлять на однихъ взаимныхъ искреннихъ и дружескихъ *обращеніяхъ*, такъ какъ по сіе время оныя продолжаютъ, стараясь съ своей стороны по возможности своихъ собственныхъ дѣлъ быть ей полезною и распространить довѣренность и доброе согласіе съ Ею Величествомъ королемъ».

Англійское правительство раздѣляло взгляды Россіи, но не рѣшалось взять на себя указываемый ему расходъ. Высылая въ Петербургъ проектъ союзаго договора, лордъ Рочфордъ въ общихъ выраженіяхъ упоминалъ о субсидіяхъ Швеціи; къ тому же слабый кабинетъ герцога Графтона былъ озабоченъ письмами Юніуса, выходками Вилькса, безпорядками въ американскихъ колоніяхъ гораздо больше чѣмъ сношеніями съ Россіею, которая въ свою очередь была занята турецкими дѣлами, гораздо болѣе чѣмъ англійскими. Дѣло союза подвигалось медленно, участь его зависѣла отъ хода военныхъ событій; Англичане начинали говорить о посредничествѣ между воюющими. Графъ Чернышевъ въ реляціи отъ 3 марта 1769 г. писалъ: «Вчерашняго числа, бывъ у лорда Веймута на обыкновенной конференціи, увѣдомился я отъ

него, что отъ здѣшняго двора дано повелѣніе послу ихъ въ Цареградѣ слѣдовать за визиремъ въ походъ, дабы при ожидаемомъ случаѣ ихъ разбитія могъ онъ преклонить ихъ къ миролюбивымъ мыслямъ.» Замѣтка Императрицы на эту депешу, крайне любопытна: «Prenez garde», пишетъ она Н. И. Панину, «que ces étourdis d'anglais n'aillent vous croquer une prétendue paix à la première occasion, que vous serez obligé de désavouer; le mieux serait de les prier de ne pas s'en mêler si chaudement, amis et ennemis nous envient déjà les avantages qu'ils craignent que nous ayons, et l'acquisition seule d'un pied sur la mer Noire est très capable d'exciter la jalousie des anglais, qui pensent dans ce moment petitement et qui toujours sont marchands».

Лѣто 1769 г. прошло, по выраженію Панина, въ многихъ и разнообразныхъ съ англійскимъ посломъ разговорахъ, кои не иное что были, какъ одни только подробныя разсматриванія трудностей, безъ точнаго съ обѣихъ сторонъ соглашенія въ способахъ, коими бы онныя трудности прекращены быть могли. Указомъ 12 августа 1769 г. графъ Чернышевъ былъ отозванъ, какъ по необходимости нуждѣ поврежденнаго здоровья отъ несвойственнаго ему тамошняго климата, такъ и потому что ввѣренная ему новая должность въ адмиралтейской коллегіи требуетъ его присутствія. На мѣсто графа Чернышева былъ переведенъ изъ Гаги статскій совѣтникъ Мусинъ-Пушкинъ. Въ это время попеченіямъ русскаго посольства въ Лондонѣ были поручены Государынею проходившіе въ Средиземное море русскіе корабли; любезность пріема, оказаннаго имъ въ Англіи, не могла не отозваться на дружественныхъ отношеніяхъ обѣихъ державъ, но дѣло союза все таки не двигалось. Въ январѣ 1770 г. назначенъ первымъ министромъ лордъ Нортъ, борьба его съ оппозиціею поглощала вниманіе англійскаго правительства, точно также какъ у насъ турецкая война составляла главную заботу; дѣло заключенія союза съ Англіею становилось вопросомъ второстепеннымъ, такъ что депеши лорда Каскарта рѣже упоминаютъ о немъ и возвращаются къ описанію придворныхъ лицъ и событій. Личность самой Императрицы продолжаетъ восхищать

чужеземца. «Ея Величество», говоритъ онъ, «обладаетъ весьма про-
«свѣщеннымъ умомъ, быстрымъ соображеніемъ, постоянною рѣши-
«мостью, большою твердостью и весьма похвальнымъ желаніемъ
«дѣйствовать относительно всѣхъ обязанностей своего высокаго сана
«съ полною доступностью для полезныхъ свѣдѣній и съ явнымъ
«уваженіемъ къ достоинству на какой бы ступени оно ни отыска-
«лось». Такая оцѣнка со стороны представителя чуждыхъ нашему
отечеству интересовъ весьма для насъ драгоцѣнна и знаменательна.
Въ противоположность конституціонному повелителю Каскарта
Георгу III, который подъ вліяніемъ придворнаго кружка упорно
поддерживалъ въ Америкѣ раззорительную борьбу, окончившуюся
тяжелымъ пораженіемъ, русская царица, не ограничивая своихъ са-
модержавныхъ взоровъ тѣснымъ горизонтомъ придворнаго фаво-
ритизма, а привлекая лучшія силы своего народа, побѣдоносно
вела его къ кайнарджійскому торжеству. Журналы незадолго предъ
тѣмъ учрежденнаго совѣта блестящимъ образомъ подтверждаютъ
слова англійскаго посла. Предсѣдательствуя въ этомъ совѣтѣ, Им-
ператрица по возможности расширяетъ предѣлы преній; не ограни-
чиваясь тѣсными рамками опредѣленнаго дѣла, она вызываетъ
членовъ совѣта на высказываніе общихъ взглядовъ, служащихъ
единственнымъ прочнымъ основаніемъ разрѣшенія частныхъ со-
мнѣній.

Вотъ какого рода предложенія Государыни хранятъ меморіи
совѣта: *Если кто что придумалъ для пользы настоящихъ дѣлъ, то
можетъ оное предложить. Не забыто ли что во взятыхъ мѣрахъ по
причинѣ нынѣшнихъ обстоятельствъ.* Отвѣтами на эти вопросы
послужили архипелагская экспедиція, рядъ побѣдъ одержанныхъ
Румянцевымъ, не смотря на описываемое имъ самимъ печаль-
ное состояніе, въ которомъ находилась армія при открытіи кам-
паніи.

Совѣтъ учредился въ 1769 г., графъ Панинъ, съ самаго начала
царствованія Екатерины II принимавшій столь значительное
участіе въ дѣлахъ, былъ главнѣйшимъ поборникомъ мысли созданія
совѣта. Проживъ долгое время въ Швеціи, гдѣ существовали до

известной степени конституціонныя учрежденія, Панинъ вернулся оттуда приверженцемъ правильнаго, а не случайнаго обсужденія дѣлъ государственныхъ; впрочемъ мысль объ устройствѣ совѣта не была новизною; въ предшествовавшія царствованія, до вступленія на престолъ Петра III, существовало совѣщательное собраніе, называвшееся то верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, то конференціею, но неизмѣнно обсуждавшее важнѣйшія дѣла внутренней и внѣшней политики. По свойственной людямъ слабости, политическія убѣжденія Н. И. Панина могли имѣть и другія побужденія; весьма вѣроятно, что совѣтъ представлялся для него средствомъ противустоять усиливавшемуся вліянію временщика Григорія Орлова; Панинъ не могъ не сознавать, что мнѣнія его, мнѣнія опытнаго, зрѣлаго государственнаго мужа, должны были взять верхъ надъ мнѣніями случайно выдвинувшагося молодого офицера, если только мнѣнія ихъ будутъ высказаны при правильномъ состязаніи, а не въ разговорѣ съ глазу на глазъ.

Первоначально членами совѣта были назначены: графъ К. Г. Разумовскій, фельдмаршалъ князь А. М. Голицынъ, вице-канцлеръ князь А. М. Голицынъ, графы Н. И. Панинъ и Н. И. Панинъ, князь М. Н. Волконскій, графъ З. Г. Чернышевъ, графъ Г. Г. Орловъ, князь А. А. Вяземскій, по возвращеніи изъ Англіи графа Ивана Григорьевича Чернышева онъ также назначенъ членомъ совѣта. Назначеніе это крайне интересуется англійскаго посла; повидимому мысль объ этомъ назначеніи ему не нравится; не смотря на дружественныя отношенія обоихъ государствъ, представитель Англіи не дорожитъ присутствіемъ въ совѣтѣ человека только что возвратившагося изъ Лондона. Предъ самымъ назначеніемъ графа Чернышева членомъ совѣта, читаны были въ совѣтѣ депеши Мусина-Пушкина изъ Лондона о «происходящемъ тамъ по случаю поданнаго королю ремонтранса» и вслѣдъ за тѣмъ: «о продолжающихся тамъ распряхъ». Графъ Иванъ Чернышевъ могъ лучше всякаго объяснить значеніе и этого ремонтранса и этихъ распрей, имѣвшихъ послѣдствіемъ слабость Англіи въ дѣлахъ внѣшней политики.

Впрочемъ не однѣ внутреннія смуты удерживали Англію отъ вѣнней политической дѣятельности, въ особенности по отношенію къ Россіи, почти всѣ европейскія державы, въ виду войны нашей съ Турціею, приняли выжидательное положеніе. Побѣды русскаго оружія въ теченіе лѣта 1770 г. положили конецъ несбывшимся ожиданіямъ ихъ, и они стали предлагать свое посредничество для заключенія мира, долженствовавшаго пресѣчь дальнѣйшіе успѣхи. Императрица, какъ увѣдомляетъ о томъ Каскартъ, отклонила предложенное прусскимъ королемъ вмѣшательство въ это дѣло Австріи. Вслѣдъ за тѣмъ англійское правительство въ свою очередь формально предложило свое посредничество и возвратилось къ нѣсколько забытому вопросу о союзѣ, сообщивъ Россіи проектъ совокупныхъ военныхъ дѣйствій на морѣ, въ случаѣ вовлеченія въ войну одного изъ союзниковъ. Такое предложеніе было лестно для нашего флота, еще болѣе чѣмъ для нашего политическаго значенія, но въ виду событій ни Государыня, ни Панинъ не торопились его принятіемъ, и добродушный Каскартъ, досадуя на эту медлительность въ послѣднемъ за 1770 г. донесеніи своемъ, нѣсколько забываетъ лестные свои отзывы и о Государынѣ и о министрѣ ея; представляя грустное изображеніе одолевавшихъ Россію трудностей, онъ считаетъ одно Провидѣніе достаточно сильнымъ, чтобы спасти эту страну отъ бездны золъ, ее обуревающихъ. Къ славѣ Императрицы и не къ чести дальновидности Каскарта надо сознаться, что, не смотря на нѣкоторую мрачность колорита, рисунокъ написанной имъ картины вѣренъ въ главныхъ своихъ чертахъ. Вотъ какъ оцѣнивается Каскартомъ затруднительность положенія русскаго правительства: «объ арміи», говоритъ онъ, на стр. 106, «недовольны; офицеры всѣхъ чиновъ выходятъ въ отставку; люди измучены болѣзнями, усталостью и дурнымъ управленіемъ, болѣе разрушительнымъ чѣмъ непріятельское оружіе: рекрутскіе наборы пагубны для огромной, но мало заселенной страны. Флотъ въ Архипелагѣ дурно устроенъ, дурно управляется и дурно уплачивается. Между офицерами раздоры, а между матросами болѣзни; Дарданеллы неприступны; блокада Константинополя бесполезна.

Безконечные расходы; жестокости въ Польшѣ, никакихъ шаговъ къ умиротворенію, не смотря на то, что Чарторижскіе согласны исполнить все, что отъ нихъ потребуется; большіе расходы и потери въдѣствіе затратъ въ Польшѣ и для содержанія флота; никакихъ средствъ получить денегъ посредствомъ займовъ за границей; никакихъ средствъ получить денегъ внутри государства усиленіемъ налоговъ, такъ какъ бѣдные и средніе классы были бы раздавлены прежде чѣмъ богатые начали бы страдать; для правительства опасно раздражать богатыхъ. Казна еще не совершенно истощена, но весьма обѣднѣла. Дѣла банка въ безпорядкѣ, что еще усилится, такъ какъ скоро всѣ налоги будутъ выплачиваться бумагами; къ монетѣ прибавлено много лигатуры и она становится весьма рѣдкой. Ввозъ монеты изъ заграницы вполнѣ запрещенъ во избѣжаніе чекана короля прусскаго и другихъ государей, которые воспользовались бы низкимъ чеканомъ Россіи. Монета русскаго чекана въ Польшѣ имѣетъ обращеніе лишь по дѣйствительной своей цѣнности и, слѣдовательно, для достиженія тѣхъ же результатовъ приходится вывозить ее въ полтора раза больше противъ прежняго. Недостатокъ людей способныхъ, свѣдущихъ и честныхъ, зависть и ненависть къ иностранцамъ и неспособность ко всѣмъ дѣламъ какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ. Никакого согласія, никакой любви и довѣрія между ними, и недостатокъ той дѣятельности и энергіи, которыя въ другихъ странахъ побуждаютъ людей недовольныхъ выказывать свое недовольство, противодѣйствовать мѣрамъ, ими осуждаемымъ, и отдѣляться отъ лицъ, разсматриваемыхъ ими врагами государства. Таково правдивое изображеніе этой имперіи, нѣсколько времени тому назадъ возведенной Провидѣніемъ на такую степень могущества, и которую одно только Провидѣніе можетъ спасти отъ величайшихъ несчастій безъ участія средствъ, недоступныхъ человѣческой проныцательности». Въ словахъ этихъ значительная доля правды, но писавшій ихъ наблюдатель, останавливая вниманіе на неустройствѣ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, терялъ изъ виду мудрую и мощную правительственную силу, руководившую судьбами Россіи.

Екатерина, независимо отъ природныхъ своихъ качествъ, вооруженная обширными познаніями, испытанная тяжелыми годами нравственно суровой жизни, переживала лучшее время своего славнаго царствованія. Первые годы этого царствованія ознакомили ее и съ событіями и съ людьми, творящими событія, дѣла ширились, но для этихъ дѣлъ тонкое человѣческое чувство государыни нашло дѣятелей душою, а не корыстью откликнувшихся на царственный ея призывъ; около трона создавалась духовная твердыня, готовившаяся въ недалекомъ будущемъ побороть Турцію, обезсилить чуму, уничтожить Пугачева. Для иноземца значеніе людей, окружавшихъ Екатерину, было недоступно, онъ видѣлъ въ нихъ недорослей европейскаго образованія, слышалъ ихъ осужденіе и другъ друга и самаго хода дѣлъ, но глазамъ его была сокрыта могучая связь, объединявшая эти на словахъ враждебные элементы. Любовь къ Россіи—вотъ что связывало этихъ русскихъ людей и между собою и съ русской по духу Государыней, что могло, при первой необходимости произвести неудержимый взрывъ народнаго чувства и подвига на пользу отечества. Послѣдующія событія вѣроятно разубѣдили Каскарта, или по крайней мѣрѣ разсѣяли темныя его предвѣщанія.

Начало 1771 года прошло въ безплодныхъ переговорахъ о возможности заключенія мира между Россією и Турцією. Русское правительство отказывалось говорить о мирѣ прежде освобожденія Портою Обрѣзкова, а освобожденіе это послѣдовало лишь въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послѣ того какъ взятіе Журжи убѣдило турокъ въ томъ, что Россія готова вступить въ новую кампанію. Кампанія эта ознаменовалась успѣхами на Крымскомъ полуостровѣ; овладѣвъ побережіемъ Чернаго моря, Екатерина II осуществляла предначертанія Петра I; повидимому успѣхи должны были приблизить заключеніе мира, но, уничтожая турокъ, успѣхи эти возбуждали корыстливую зависть въ другихъ нашихъ сосѣдяхъ. Фридрихъ II и Иосифъ II послѣ свиданья въ Нейштадтѣ стали пододвигать войска къ границамъ Польши. Императрица, сознавая необходимость имѣть въ Варшавѣ посланника, знакомаго съ общими ходомъ поли-

тическихъ дѣлъ, назначила туда Сальдерна. Сальдернъ въ присутствіи Императрицы представилъ совѣту свой взглядъ на польскія дѣла и, получивъ одобреніе, отправился къ мѣсту назначенія. Лордъ Каскартъ въ депешахъ своихъ крайне одобряетъ и выборъ Сальдерна и качества его ума; Сальдернъ отправляется въ надеждѣ замирить польскія неустройства, онъ замѣняетъ доблестнаго, но добродушнаго кн. М. Н. Волконскаго, которому быть можетъ не по силамъ проницательная изворотливость Фридриха II. Двухсмысленная дружба этого союзника заботитъ петербургскій кабинетъ, а къ этому присоединяются другія тяжкія заботы: Петербургъ опустошается обширными и многочисленными пожарами, въ Москвѣ чума губитъ не только населеніе, но первыя основанія гражданскаго устройства, единственный наследникъ русскаго престола опасно боленъ, и болѣзнь эта тревожно волнуетъ всякаго, кому дорого спокойствіе отечества. Всѣ эти несчастія Каскартъ описываетъ обстоятельно, оставаясь при этомъ чуждъ всякому злорадству, не рѣдко свойственному его сотоварищамъ.

Осенью 1771 г. самого лорда Каскарта поразило великое несчастіе; 13 ноября умерла леди Каскартъ, о которой Императрица Екатерина писала къ г-жѣ Біелке: *c'était une dame de grandes vertus*. Подъ горестнымъ впечатлѣніемъ понесенной имъ утраты, убѣждаясь все болѣе и болѣе, что обстоятельства отдаляютъ, а не приближаютъ заключеніе союза Россіи съ Англіею, Каскартъ, по отзыву франц. посланника Сабатье, желалъ освободиться отъ обязанностей посла; желаніе это отвѣчало видамъ англійскаго правительства, недовольнаго тѣмъ, что русскій дворъ съ отъѣзда гр. И. Чернышева держалъ въ Лондонѣ посланника, а не посла. Графъ Суффолкъ, въ концѣ ноября 1771, увѣдомилъ лорда Каскарта что преемникомъ ему назначается лице равнаго съ А. С. Мусинымъ-Пушкинымъ характера, т. е. посланникъ, а не посолъ; то былъ серъ Робертъ Гуннингъ, который прибылъ къ новому мѣсту назначенія не ранѣе слѣдующаго іюня мѣсяца. До тѣхъ поръ лордъ Каскартъ оставался въ Петербургѣ, и главнымъ предметомъ заботъ его были проски представителей Австріи и Пруссіи по польскимъ дѣламъ.